

ДВОЙНОЕ ДНО

ВСЕ НЕ ТАК, КАК КАЖЕТСЯ

ЗАБУДУДЬ

ДЖ.С. МОНРО

МОЕ

ИМЯ

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-312.4(41)
ББК 84(4Вел)-44
М77

J.S.Monroe
FORGET MY NAME

Серия «Двойное дно: все не так, как кажется»

Печатается с разрешения автора и литературных агентств
Janklow & Nesbit (UK) LTD
и Prava I Prevodi International Literary Agency.

Перевод с английского *Ирины Павловой*
Оформление обложки *Яны Паламарчук*

Монро, Дж. С.

М77 Забудь мое имя: [роман] /Дж. С. Монро; [пер. с англ. И.В. Павловой]. — Москва : Издательство АСТ, 2019. — 384 с. — (Двойное дно: всё не так, как кажется).

ISBN 978-5-17-112949-1

У нее украли сумку — а вместе с ней разом пропала и вся ее жизнь. Девушка не помнит даже своего имени, лишь домашний адрес почему-то остался у нее в памяти. Однако в доме, который она считает своим, живет молодая пара. Кто эта девушка и что привело ее в на их порог? Этот вопрос Тони и Лаура задают себе снова и снова. Но постепенно становится ясно, что каждый в этом доме вынужден хранить свой страшный секрет и лгать окружающим. Возможно, Тони и Лаура знают о незнакомке гораздо больше, чем кажется...

Новый роман Дж. С. Монро — захватывающий и многоплановый роман, где литературное мастерство сочетается с глубоким знанием клинической психологии.

УДК 821.111-312.4(41)
84(4Вел)-44

ISBN 978-5-17-112949-1

© Jon Stock, 2018
© Павлова И., перевод, 2019
© ООО «Издательство АСТ», 2019

Другой путь удержания [простых идей, полученных от ощущения или рефлексии] есть способность по-становливать в нашем уме идеи, которые после своего запечатления исчезли или как бы были отложены, скрывшись из виду... Так как ограниченный человеческий ум не в состоянии обозревать и рассматривать сразу много идей, то необходимо было иметь склад для идей, которыми можно было бы пользоваться в другое время.

Джон Локк
«Опыт о человеческом разумении»
(1690)*

* Перевод с английского А.Н. Савина.

День первый

1

Я не могу вспомнить свое имя.

Силясь сохранять спокойствие, я как мантру повторяю про себя эти слова, пытаюсь осознать их до конца. Сорвавшись с якоря своей прошлой жизни, отныне я могу руководствоваться лишь настоящим.

Я разглядываю из окна поезда проносящиеся сельские пейзажи. Мне только кажется, или мужчина напротив действительно смотрит на меня слишком пристально? Я изучаю его отражение в стекле. Вот так, наверное, чувствуют себя люди, когда теряют рассудок. Откуда-то с затылка на меня накатывает головная боль. Надо дышать! Я еще в состоянии это делать.

По моим ногам пробегает дрожь. Я вдавливаю их поочередно в пол вагона и впиваюсь взглядом в канал, бегущий теперь вдоль железной дороги. Нужно держать себя в руках и не терять мужества. Как бы повел себя в подобной ситуации нормальный человек? Он бы наверняка взял тайм-аут и дал своему мозгу полную свободу действий. Пусть синапсы активируются. Половина людей в этом вагоне, скорее всего, тоже многого не помнят: дни рождения коллег, годовщины свадеб, ПИН-коды, свои собственные имена...

Мы останавливаемся на станции, название которой пропечатано на моем билете. Я схожу с поезда. И, вдыхая всей грудью свежий сельский воздух, бреду по петляющей тропке к дороге, вслед за толпой утомленных пассажиров. Я должна кого-нибудь из них узнать? Час пик только начался. Слева от меня какая-то речушка на ощупь прокладывает себе путь через луг, поблескивая каплями мелкой воды в свете летнего солнца. В стороне блеют овцы, а крикетное поле у церкви оглашают радостные возгласы сельчан. За церковью тянутся рапсовые поля цвета разведенной водою горчицы. А дальше сверкает канал с пешеходной дорожкой на берегу. Вдоль него вереницей пришвартованы ярко окрашенные моторные лодки.

Деревня находится всего в часе езды поездом от Лондона, но походит на идиллическое поселение в глухой глубинке. Очень пасторальная. Я прохожу по железнодорожному мосту и направляюсь вверх по ее главной улице, мимо почты. Я стараюсь мыслить логично. И знаю, что поступаю правильно. Когда я попыталась заявить о своей потерянной сумочке в аэропорту, мужчина за стойкой сказал, что временную амнезию может вызвать все, что угодно. Но одной из самых распространенных причин является стресс, связанный с работой. И в таких случаях лучше всего помогает свой дом — почта на дверном коврике, письма с именем и фамилией на конвертах. А когда служащий аэропорта поинтересовался у меня, смогу ли я найти дорогу домой, я достала из кармана билет на поезд, и мы оба решили, что он был взят именно туда, где я живу.

У «Агнца Божьего» я сворачиваю направо, в узкую улочку, обрамленную старыми домишками с соломенными крышами. И дохожу до последнего домика справа — с зеленовато-голубой входной дверью, обвитой поникающими побегами пышных глициний. При виде этого до-

мика я должна была бы ощутить облегчение. Но этого не происходит. Я не только не расслабляюсь, я вдруг испытываю ужас.

Я пытаюсь представить, как закрываю за собой входную дверь, плюхаюсь на диван с большим бокалом охлажденного «Совиньон блан» и смотрю по телевизору какую-то ерунду. Только вот ключа у меня нет. Стоя перед домом, я обвожу взглядом улочку и слышу за дверью чью-то речь. Американскую. По телу пробегает дрожь. Я подхожу к окну и заглядываю внутрь. Тусклый солнечный свет, проникающий в кухню сквозь двери из сада, озаряет силуэты двух человек. Едва дыша, я пытаюсь их рассмотреть. Мой взгляд задерживается на мужчине — он на кухонном острове режет салат большим стальным ножом, отражающим свет. При виде него у меня возникает сильное желание развернуться и побежать вниз по улочке. Побежать стремглав, со всех ног. Но я заставляю себя остаться. За мужчиной у глубокой керамической мойки стоит женщина, наполняющая водой кастрюлю.

Я возвращаюсь к входной двери, проверяю номер. Да, это тот самый дом. Но мои пальцы слишком сильно дрожат. И вместо того, чтобы нажать на звонок, я обвиваю обеими руками кованый дверной молоток и стучу им, склонив голову на грудь, как проситель в молитве. «Ом мани падме хум». Ответа нет, и я стучу снова.

— Я открою, — говорит мужчина.

Я отступаю назад в проулок и едва не теряю равновесие, когда дверь широко распахивается.

— Чем я могу вам помочь? — спрашивает меня мужчина с чуть заметной смущенной улыбкой.

У меня кружится голова. Мы с секунду всматриваемся друг другу в глаза, выискивая в них хоть какое-то подтверждение, пусть даже слабый намек на то, что ты узнал.

И я понимаю, что надежды на это нет никакой. Мужчина опускает взгляд на мой чемодан, потом снова поднимает на меня. Я смотрю на него так долго, как только могу, — секунду, две, три... А потом отворачиваюсь.

Я знаю, мне следует сказать этому человеку что-то вроде: «Кто вы такой? Какого черта вы делаете в моем доме? Скажите мне, пожалуйста, что все это неправда. Мне так важно это услышать — после всего, что я сегодня пережила...» Но я продолжаю молчать.

— Если вы чем-то торгуете, то извините: нас ничего не интересует, — произносит мужчина, собираясь захлопнуть дверь.

И я узнаю его акцент: самоуверенные, знакомые звуки Нью-Йорка. Мужчина бросает на мой чемодан еще один взгляд. Должно быть, думает, что он набит прихватками и чехлами для гладильных досок или еще каким-нибудь барахлом, с которым в наши дни уличные торговцы обивают пороги чужих жилищ.

— Подождите, — окликаю я мужчину, вновь обретая способность говорить.

Мой голос его пугает. Разве я кричу? В моих ушах стоит пронзительный звон.

— Да? — переспрашивает мужчина. У него худощавое настороженное лицо, глубоко посаженные голубые глаза, аккуратная бородка и волосы, связанные в хвост. Похоже, для него закрыть дверь перед носом незнакомки — не естественная реакция.

— Кто там, дорогой? — раздается за его спиной голос женщины. Англичанки.

Мужчина сразу улыбается, хоть и через силу. Перед моими глазами проплывает лицо Флер, тоже с мимолетной улыбкой на губах. И мой палец инстинктивно прижимается к татуировке на запястье, скрытой под рукавом рубашки. Я знаю, у нас обеих есть такая: прекрасный

цветок лотоса, пурпурный, не полностью раскрывшийся. Если бы я только могла вспомнить больше!

— Я здесь живу, — удается выдать мне. — Я уезжала в командировку. Это мой дом.

— Ваш дом??? — Мужчина скрещивает на груди руки и прислоняется к дверному косяку. Он хорошо одет: рубашка с цветочным узором, застегнутая на верхнюю пуговицу, тонкий темно-серый кардиган, фирменные джинсы. Похоже, он нашел мое заявление скорее забавным, чем странным, и теперь оглядывает улочку, выискивая глазами скрытые телекамеры и ведущую с припрятанным микрофоном. И возможно, он только сейчас расслабился, убедившись, что я не пытаюсь ему впарить алоэ вера.

— Мой ключ от входной двери лежал в сумке, но я ее потеряла в аэропорту вместе с паспортом, записной книжкой, айфоном и кошельком... — мои слова иссякают, а звон в ушах становится невыносимым. — Я думала взять ключ у соседей, а потом собиралась позвонить в полицию, сообщить...

Земля у меня под ногами начинает ходить ходуном. Я силюсь еще раз взглянуть на мужчину, но вижу только Флер в дверях ее комнаты. И она спрашивает, не хочу ли я войти. Я делаю глубокий вдох, мысленно представляю себе дерево бодхи* и фигуру, обретающую просветление и умиротворение под его успокаивающими священными ветвями. Бесплезно. Не срабатывает. Я думала, что у меня получится, но ничего не вышло.

— Можно мне войти? — спрашиваю я, и вдруг чувствую, что вот-вот упаду. — Пожалуйста!

Рука на моем локте смягчает мое падение.

* Священное дерево в буддизме, сидя под которым Будда обрел просветление.

2

— Она очень красива.

— Я не заметил.

— Брось, она великолепна.

— Ей требуется помощь.

— Врач сказала, что перезвонит через пятнадцать минут.

Я лежу с закрытыми глазами и слушаю. Они на кухне — там, где я впервые увидела их, заглянув в окно. А я нахожусь в небольшой гостиной в передней части дома. Голос мужчины звучит уверенно, убедительно. Голос женщины — мягче, нерешительней. Женщину зовут Лаура. После обморока на пороге я пришла в себя на диване и немного поболтала с ней. Заверила, что со мной все в порядке и мне нужно только ненадолго прикрыть глаза — пока не пройдет головокружение. Это было пять минут назад.

— Ну, как, вам лучше? — спрашивает Лаура, заходя в гостиную.

— Немного, — отвечаю я, поворачивая к ней голову. — Благодарю вас.

Лаура держит большую кружку свежесваренного мятного чая. Я замечаю, что рукав моей рубашки задрался, частично обнажив татуировку с лотосом.

— Я принесла вам чай, — говорит Лаура, ставя кружку на низкий индийский столик перед диваном. На одной стороне кружки нарисован кот в йогической позе героя. Я невольно выпрямляю спину.

— Мы связались с нашим местным врачом, здесь, в деревне, — продолжает Лаура, глядя на мое запястье. — Она обещала перезвонить в скором времени.

— Благодарю вас, — снова повторяю я слабым голосом.

— Голова все еще кружится?

— Немного.

Я тянусь к чаю. Лауре тридцать с небольшим. На ней леггинсы длиной три четверти и светящийся спортивный топ, как будто она собралась на пробежку. Она действительно в хорошей форме: высокая и стройная, кожа блестит, волосы собраны в пучок, на ногтях маникюр. Выглядит прекрасно, если не считать ярко выраженных темных кругов под глазами.

— По словам Тони, вы думали, что это ваш дом, — произносит Лаура нарочито небрежным тоном.

Я отпиваю глоток мятного чая — горячего, медово-сладкого. Может быть, хотя бы он развеет леденящий страх у меня в животе?

— Тони сказал, вы хотели взять ключ у соседей, — Лаура умудряется выдавить из себя короткий смешок и, отвернувшись, замирает.

— Это мой дом, — шепчу я, сжимая руками кружку, чтобы согреться.

Я ощущаю ее раздражение. Внешне неочевидное — она кажется слишком доброй для этого. Просто едва уловимое изменение в настроении. Тони, который, похоже, подслушивал наш разговор, заходит в дверь, соединяющую гостиную с кухней.

— Спасибо вам за чай, — говорю я, стремясь сохранить теплоту в нашем общении. — И за звонок врачу. Я уверена, со мной все будет в порядке.

— Едва ли, если вы все еще считаете этот дом своим, — говорит Тони. Он улыбается, но в его голосе проскальзывает рефлексивное желание защищать свою территорию. Моя татуировка все еще на виду. Через несколько секунд я ненароком опускаю рукав рубашки, чтобы ее прикрыть.

Я делаю еще один глоток чая и оглядываю гостиную. Это комната с довольно низким потолком. Безукоризнен-

но чистая. В ней все на своем месте. Дровяная печь-камин; рядом аккуратная стопка поленьев, округлых, как свернутые молитвенные свитки. Книги по йоге и саморазвитию расставлены в небольшом книжном шкафчике строго по высоте. Все колышки в деревянной доске для игры в солитер воткнуты в свои отверстия. Даже палочки в бутылке диффузора, стоящего на подоконнике, расположены на одинаковом расстоянии друг от друга. Обстановка, может, и поменялась, но небольшие пропорции дома мне явно знакомы.

— Я приехала сюда, потому что... — запинаясь я, удивившись волнению в собственном голосе. — У меня был сложный период на работе. Сегодня, по прилете с конференции, я потеряла в аэропорту свою сумку. Я хотела подать заявление о ее пропаже, но не смогла вспомнить собственного имени... — снова замолкаю я.

— Но сейчас-то вы его вспомнили? — спрашивает Лаура, поворачиваясь к Тони: — У нас у всех случаются провалы в памяти.

Тони отводит взгляд.

Я мотаю головой. *Я не могу вспомнить свое имя.*

— Там, в аэропорту, я сумела вспомнить только, где я живу. И я подумала, что если я приеду сюда, в свой дом, в это святилище, то все будет в порядке. Я потеряла в аэропорту все, кроме одной вещи — билета на поезд до дома. Я нашла его в кармане.

— У вас еще остался чемодан, — замечает Тони, жестом показывая на входную дверь, у которой он стоит стоймя со все еще вытянутой ручкой. — А где проходила ваша конференция? — спрашивает в следующую секунду Тони. Его защитный рефлекс явно уступил место любопытству.

— Я не знаю, — из моих глаз брызжут слезы, и я никак не могу их остановить.

— Все в порядке, — говорит Лаура, присаживаясь рядом со мной на диване. Она обнимает меня за плечи, и я ей очень благодарна за это. День выдался трудным.

— На ручке должна быть бирка, — бормочет Тони, направляясь к чемодану.

— Она оторвалась. До того как я сняла чемодан с «карусели».

Тони смотрит на меня — мой голос дрожит. Я вижу себя в зале прилета, сидящей на краю опустевшей ленты и всматривающейся в десяток кружащих на ней чемоданов.

А затем появляется и мой чемодан — перед большим неровным тюком, завернутым в черный пластик и заклеенным лентой. Образ Флер возникает и исчезает. Ее тело изогнуто как у гимнастки-«змеи», одни локти и коленки...

— Вы действительно не можете вспомнить, где проходила конференция? — уточняет Тони.

— Возможно, в Берлине. — Перед моими глазами всплывает еще один образ Флер — сверкающей глазами в диком неистовом танце. Я моргаю, и она снова растворяется в пустоте.

— В Берлине? — повторяет Тони, не в силах скрыть удивления. — Это уже кое-что. А авиакомпанию помните?

— Я прибыла в терминал номер 5.

— «Бритиш Эйрвейз». В котором часу, помните?

— Этим утром.

— Ранним?

— Не знаю. Не уверена. Извините. Я поехала из аэропорта прямо сюда. Может быть, поздним утром? Или около полудня?

— И вы не можете вспомнить свое имя?

— Тони! — встречает Лаура.